

АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС¹

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00241.

Е. М. Арутюнова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Арутюнова Е. М. Анализ представлений о русском языке в российской идентичности: экспертный дискурс // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 95–109. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8863

Аннотация. В статье на материалах глубинных и экспертных интервью и фокус-групп проанализированы смыслы, придаваемые русскому языку в российской идентичности. Экспертами выступили ученые-гуманитарии, преподаватели вузов и школ, журналисты, общественные и этнические активисты Москвы, Казани, Уфы, Нальчика и некоторых других городов России. Анализ дискурсов этих трансляторов смыслов российской идентичности важен для создания картины распространяемых и поддерживаемых ими смыслов общенационального языка россиян, поскольку они участвуют в формировании массового сознания и могут задавать направления восприятия российской идентичности в охватываемых их влиянием кругах.

Ключевые наборы представлений о русском языке в российской идентичности связаны со следующими его трактовками: универсалистские дискурсы рассматривают русский язык как культурный код россиян, зачастую связывая его с литературоцентричностью русской и российской культуры; отмечают значимость его функциональности и влиятельности, а также в качестве языка российской повседневности и жизни государства, в чём существенную роль играет школьное образование, «цементируя» таким образом общество.

В дискурсах экспертов в республиках важны и другие грани восприятия русского языка. В первую очередь он рассматривается как «язык межнационального общения», что является результатом влияния советской национальной политики, устоявшейся терминологии, в частности — в понимании нации чаще всего в этническом смысле и противопоставлении русского и родных языков. В историческом контексте он может рассматриваться как язык-посредник, инструмент приобщения к мировой культуре. Этноцентристские дискурсы зачастую акцентируют роль русского языка как языка государства и/или языка доминирующего народа, в том числе активно противопоставляя его родным языкам и подчёркивая ущерб для них. Трактовки русского языка как общенационального языка россиян, позитивное его восприятие как общероссийского интегратора в таких дискурсах осложняются.

Ключевые слова: русский язык; российская идентичность; анализ дискурсов; российские республики

¹ *Статья посвящена памяти Леокадии Михайловны Дробизевой — учителя и друга.*

Введение

Исследования последних лет, в том числе результаты нашего проекта «Содержательные основы общероссийской гражданской идентичности: региональный и этнокультурный контексты», показывают, что российская идентичность формируется и разделяется россиянами на массовом уровне (см., напр.: [4]). Её содержание неоднозначно, гражданская составляющая разделяется пока очень немногими, в большей степени оно связано с представлениями о государстве, стране и территории, а также с общей историей и общим государственным языком — русским.

Массовые опросы показывают стабильно высокую значимость русского языка среди других факторов российской идентичности: например, в 2015 г. в исследовании Института социологии РАН почти половина опрошенных (49%) выбрали государственный язык как объединяющий всех россиян фактор, чаще выбирали только общее государство [6, с. 182].

В 2019 г., по результатам опроса ФАДН-ВЦИОМ, русский язык среди других интеграторов российской идентичности выбрали 46% [1, с. 117]. Очевидно, что представления о русском языке как общем языке — один из важнейших компонентов идентичности на уровне массового сознания, отсюда нам важно понять, что именно он может включать в себя в таком качестве.

Методология и исследовательская задача

Основная задача в предлагаемой статье — проанализировать экспертные представления о русском языке как объединяющем россиян факторе, систематизировать основные направления размышлений на эту тему и составить картину роли русского языка в российской идентичности на экспертном уровне. Солидарные установки задаются и на уровне власти, и на уровне различных дискурсов, оказывающих влияние на определённые аудитории, и воспринимаются, адаптируются и трансформируются на массовом уровне. Здесь подчеркнём, что мы рассматриваем именно дискурсивное пространство, не претендуя на отражение объективной картины значимости русского языка для россиян в обширном наборе его ролей — это предмет иных исследований.

Изучением экспертных дискурсов о русском языке в российской идентичности мы продолжаем анализ, начатый в предыдущей статье, опубликованной на страницах журнала [1, с. 117].

Важные в этой работе теоретические основы связаны с трактовкой дискурсивного пространства как формирующего наше социальное поведение (социальный конструкционизм) [5, с. 11–12]. Мы не придерживаемся методик непосредственно дискурс-анализа, предпочитая термин «критические дискур-

сивные исследования» вслед за Т. Ван Дейком, описывающим широкий спектр методов, которые можно применить для анализа дискурса — соответственно цели исследования [3, с. 19–20], или, более широко, — дискурсивные исследования.

Непосредственно в сфере изучения российской идентичности нас интересует трактовка языка как идеологической конструкции национализма в работах М. Биллига [2]. Значимость языка для нации воспринимается как критическая для её существования, как неотъемлемый признак нации (понимаемой преимущественно в этническом, но также и в гражданском смысле), но, по сути, такое представление до определённой степени — результат конструирования в процессе нациестроительства. Это конструирование происходит постоянно в повседневном и медийном дискурсах, оно воспроизводит и закрепляет чувство «мы» через постоянное использование соответствующих речевых конструкций и апелляции к чувствам.

В качестве экспертов в нашем исследовании выступили учёные и преподаватели гуманитарных дисциплин (социологи, политологи, философы, историки, культурологи и др.), а также журналисты. Ещё один существенный момент: мы анализируем представления экспертов как из столичных городов и некоторых областных центров, так и мнения специалистов из республик, то есть приближаемся и к тем смыслам, которые придают русскому языку этнически ориентированные слои населения в республиках. Безусловно, речь идёт не только и не столько о срезе массовых представлений; основной фокус внимания — именно на экспертном видении — представлениях тех, кто создаёт эти смыслы и транслирует их, в том числе через образование и СМИ. Начиная работу над темой, мы предполагали, что экспертное гуманитарное сообщество будет трактовать роли русского языка в российской идентичности более широко, чем обывательское сознание, отмечать больше граней и смыслов, поэтому относительно массового сознания этот дискурс смещён, но во многом именно он его и формирует.

Исследовательская стратегия включала различные методики. На первом этапе в ходе проведения письменных пилотажных, а также глубинных и экспертных интервью в Москве, Казани и ещё нескольких городах были аккумулированы и проанализированы разнообразные представления о русском языке и его значимости для российского общества и общей идентичности россиян, в том числе в разных этнических и региональных контекстах. Мы стремились выявить представления, характеризующие ключевые роли русского языка для российской идентичности, фиксирующие как прагматические, так и символические его функции как общенационального языка. На базе этого анализа были разработаны индикаторы и создана методика для анализа массовых представлений о роли русского языка в российской идентичности, использованная затем в массовом опросе по репрезентативной для России выборке (RLMS-HSE), итоги которого будут представлены в результирующей проект книге. Параллельно был расширен круг привлечённых экспертов на региональном уровне — были проведены интервью и групповые дискуссии в Уфе и Нальчике (всего 100 интервью и 8 групповых

дискуссий). В результате нами собрана обширная база интерпретаций ролей общенационального языка в глазах экспертного гуманитарного сообщества, анализ которых и является целью настоящей статьи.

Анализируя экспертный дискурс, мы не претендуем на то, чтобы продемонстрировать особенности конкретных этнических дискурсов, например — восприятие русского языка в этнической идентичности точно у татар, кабардинцев, башкир и т. д. Мы выделяем дискурс в большей мере универсальный, вне этноориентированности, в том числе русской, и дискурсы этноцентричные, включая дискурсы этнических националистов. Разумеется, представления в рамках этих двух направлений дискурсов вполне пересекаются, однако этноцентристские дискурсы имеют свои особенности, которые мы постарались продемонстрировать.

Анализ построен на выделении ключевых наборов представлений с иллюстрациями из интервью и фокус-групп, выделенных курсивом. Разумеется, речь не идёт о представленности всего спектра мнений о русском языке в российской идентичности, хотя мы выделяем основные, а также о репрезентативности и соотношении значимости того или иного набора представлений. При анализе дискурсов такая точность не нужна и вряд ли достижима, наша задача — картина представлений, существующих в экспертных мнениях.

Русский язык как культурный код россиян

Пожалуй, чаще всего, говоря о языках (не только русском), эксперты отмечают, что они отражают образ мышления этнической или другой культурной категории, объединённой языком. В отношении россиян эксперты применяют то же понятие: русский язык для россиян представляется многими экспертами как то, что отражает «менталитет» россиян как народа — «духовное наследие России, которое копилось веками, и мы оттуда питаемся», и такое наследие в значительной мере базируется на русской культуре.

«Быть россиянином — быть человеком русской культуры и языка» (письменное интервью).

«Это может нравиться или не нравиться кому-то, но понятно, что общероссийская идентичность, российское государство образовывается на базе русской культуры, а русская культура живёт, транслируется и развивается на русском языке, несмотря ни на что. Смотрите, какие-то стали пытаться внедрить иностранные слова — мы сразу из них делаем всё равно русские. Эти «океюшки», «себяшечки» — побаловались-побаловались — бац, и всё равно стали переводить на русский язык. Это очень хороший показатель. Я целую неделю общалась с коллегами из разных стран — они это не делают. Они очень чётко и ясно произносят термины на английском языке, как они на языке происхождения существуют, — они вообще с ним не играют. А мы моментально начинаем всё переводить на русский язык» (письменное интервью).

«В языке в какой-то закодированной форме заложены те самые образы мышления, система мышления, про которую мы говорили как про объединяющий фактор вообще ментальный. Потому что, например, я изучал немного немецкий язык

и английский. В немецком языке мне бросилось в глаза, что там почти ни одного исключения из правил нет, они редки. И это, мне кажется, отражает их голову, их образ мышления. Не нравятся им исключения, раз правило есть и оно хорошо себя зарекомендовало, зачем нам исключения? И они и живут, по крайней мере стараются жить по правилам. В русском же языке исключений миллион, и это, мне кажется, тоже отражает суть нашего мышления» (историк, Казань).

«Думать на языке — это самый главный показатель. Подавляющее большинство россиян, независимо от национальности, кроме русских, понятно, думают по-русски уже, хотя говорят по-башкирски, по-татарски и т. д. Это означает, что русский язык сидит внутри тебя в виде мышления, т. е. знаковой системы, на которой люди мыслят. Понятно, что это школьное образование, вузовское и деловое общение и т. д.; естественно, когда человек общается на языке, то начинает говорить на языке и начинает думать на этом языке. Да, коммуникативная роль русского языка уже переходит в вербальное поведение человека и превращается в менталитет, т. е. приобретает символический характер» (философ, Уфа).

Русский язык в экспертном дискурсе — это язык, объединяющий целое лингвистическое пространство, пространство «русского мира». Русскоязычное культурное пространство воспринимается шире этнического и простирается за пределы российского общества: это не просто «язык общего коммуникативного пространства», это язык общей (в том числе для части людей за пределами России) культуры. По меткому выражению одного из экспертов, таких людей внутри и вне России можно назвать «русскоязычными по культуре».

«Да, безусловно, русский язык нас объединяет. Существует пространство русского языка. Когда-то в более спокойные и мирные времена, чем сейчас, понятие “русский мир” имело не столько политический, сколько лингвистический смысл, и мне это больше нравилось. В этом смысле и Белоруссия, и Украина, и Казахстан, и какая-то часть Средней Азии до сих пор, конечно, входят в русский мир. Приезжаешь туда, и там люди разговаривают по-русски и тебя понимают» (философ, Уфа).

«Есть какие-то определённые знаки фольклорные, какие-то исторические термины, крылатые фразы, возможно из кино, которые нас всех объединяют, из таких советских хороших фильмов. Я вот просто приведу пример: мы с супругой были на отдыхе в Анталии, и там в отеле у нас в основном жили немцы, англичане, французы. И, когда стояли в очереди за десертом, кто-то из стоящих там обронил фразу из фильма, по-моему, “Иван Васильевич меняет профессию”: “А, вот она какая: заморская, кабачковая!”, и из этой толпы я сразу увидел несколько веселых глаз, и я сразу понял: это мои — они мои, родные» (учитель истории, Нальчик).

Этот пласт представлений затрагивает важный для нас ценностный аспект роли русского языка в идентичности россиян — по мнению многих экспертов, его не отделить от русской классической литературы, русский язык — язык, на котором написана литература, которая для нас, россиян, имеет большое значение как для «литературоцентричного общества». Интеллигентная, социализированная в городской русской/русскоязычной среде в республиках, это вполне осознаёт и транслирует (по меньшей мере в рамках общения с исследователями). В этом

контексте русский язык как фактор идентичности пересекается с культурой как фактором идентичности. Таким образом, язык – инструмент, а транслируемые литературой и массовой культурой образцы – ценность.

«Если говорить о русском языке немного расширительно – не только о русском языке, но и о русской культуре. Меня этот элемент роднит с остальными россиянами. Мы читали Толстого, Достоевского, смотрели одни фильмы, одних и тех же режиссеров – вот это, наверное, культура. Я бы взял шире. Не только язык, а русскую культуру» (историк, Уфа).

«Русский язык – это язык не только государства, это язык великих поэтов. Мы все так или иначе – представители любого этноса – знаем сказки Пушкина. Это же символично. Так ведь? И в этом отношении при обращении к традициям эту очень большую символическую роль русского языка отрицать нельзя» (философ, Уфа).

Интересно, что о литературоцентричности российской идентичности говорят в поколенческом разрезе – молодёжь говорит о ней реже, старшие поколения экспертов высказываются в духе уходящей значимости литературоцентричности для россиян, в том числе и как о советском наследии [7, с. 72].

Русский язык как богатый, функциональный и влиятельный язык

В экспертных дискурсах часто встречается представление о русском языке как языке необычайного богатства, функциональности и влияния: «один из немногих из всего множества языков настолько развитый, универсальный инструмент». Подчёркивается, что русский язык вобрал в себя многое из мировой культуры и других языков – и западных, и восточных, и западной культуры, и восточной. Язык уникальный – «одновременно очень древний и очень пластичный и воспринимающий новое», глобальный сильный язык, мировой язык, язык, на котором много современного контента, а не только русской литературы.

«Я думаю, что как Пушкин – наше всё, так и русский язык – наше всё. И, по существу, как бы для всех – это то, что всеми признано, что это язык, на котором всё можно делать, который абсолютно полноценен, по любым современным меркам. Понятно, много заимствований есть во всех языках. И в этом смысле это то, чем мы можем гордиться, и не только русские, но и все остальные. И как раз мы как носители русского языка, собственно говоря, приезжая за границу, становимся русскими» (социолог, Казань).

«Сколько всего языков, 6000? больше? И всего 100 таких развитых языков из них. Тысячелетиями складывалась эта роль русского языка. Давайте будем пользоваться. Не надо изобретать велосипед. ... Конечно, это ценность по тому наследию невероятному, которое он несёт, русский язык. О себе и в себе» (письменное интервью).

«Потому что и русский язык, он тоже очень интересно принимает в себя заимствования. Он их принимает и делает русскими» (учитель истории, Нальчик).

«На нём создан действительно глобально значимый культурный запас (литература, отличная способность к трансформации и адаптации, в том числе в цифровой реальности — соответственно, например, вся публицистика, достаточно богатая, и в значительной степени масскультура в целом на постсоветском пространстве функционируют в огромной степени на русском языке — конечно, в уменьшающемся режиме, но всё равно его влияние очень велико). Соответственно, русский язык выступает средством защиты от деградации, языком просвещения. Тот факт, что одновременно он является и ведущим каналом той же деградации (сленги, блатной и «олбанский» языки и т. д.), не ослабляет, а усиливает его влияние — оно распространяется на массы по всем векторам и тем самым объединяет разные группы и страты людей» (письменное интервью).

Язык повседневности и в целом язык жизни в России

Пласт представлений, который во многом характерен и для массового сознания: русский язык — прагматически необходимый язык, если ты живёшь и хочешь состояться в профессии и других сферах жизни в России, средство получения образования, саморазвития, язык профессионального и социального роста, это язык, «носителями и потребителями которого мы все являемся».

«В этом отношении мы же все русские, мы же все носители русского языка, носители и потребители, в первую очередь, опять же, уже даже не русской, а российской, всё-таки, культуры. Потому что русской культуры как таковой тоже не так много на самом деле» (журналист, Уфа).

«Все, кто ориентирован жить в этой стране, понимают, что знание русского языка, хорошее знание, я имею в виду — хорошее знание русской культуры, способность функционировать не только на работе, не только в профессиональной деятельности, в принципе полноценно функционировать на русском языке — это абсолютная ценность» (социолог, Казань).

«Это язык информации. Мы потребляем, производим, анализируем информацию на русском языке. Если ты хочешь самую актуальную информацию — профессиональную, научную, — как правило, она на русском языке. Ну, например, у меня была такая ситуация, что первым я познакомилась с русским языком. По сути, со своим родным языком, потому что родного [этнического] языка я не знаю. И сейчас это часто встречающееся явление, что в Кабардино-Балкарской республике потихоньку мы уходим от использования национальных языков и все переходим на русский язык. В принципе, естественно, что русский язык — это не только про межнациональное общение, это, в принципе, наш родной, с рождения общий язык, который принадлежит нам, по сути, тоже. Мы россияне с рождения, мы говорим на русском языке. Наши родители говорят на русском языке. Есть, наверно, исключения, возможно, будут сёла у нас, но даже там знают русский язык как основной» (юрист, Нальчик).

Очевидность такой роли русского языка — ещё одно подтверждение уже высказывавшейся нами идеи о том, что дополнительное закрепление статуса русскому языку не требуется, он всё равно прагматически будет выбираться как

функциональный язык, на данном этапе эти процессы уже естественны, и необязательно формализовать языковую сферу чрезмерно, вызывая таким образом обиды и напряжённость в этноцентричных сообществах.

«Язык с таким функционалом (в отличие от местных языков) не становится сильнее либо слабее от упоминания в Конституции. А негативные моменты очевидны — это куда более спорный вопрос о закреплении в ней особой роли русского народа, а такое положение многие считают дискриминационным по отношению к другим народам многонациональной страны» (письменное интервью).

Русский язык в образовании: «инструмент цементирования общества»

Известно, что русский язык — высоко стандартизированный язык, на котором практически повсеместно в России осуществляется преподавание в школе (за редким исключением национальных школ, где обучение частично ведётся на этнических языках), и это одна из причин высокой консолидации российского общества в языковом отношении. Многие эксперты подчёркивают, что русский язык — это инструмент, через который государство посредством общих образовательных стандартов осуществляет «цементирование» общества, язык, закрепляемый именно как общий язык образовательными практиками (в частности, ЕГЭ). Эту роль русского языка как языка государства рассматривают и позитивно, и акцентируют государственное насилие, причём и как необходимое, и как излишнее — в зависимости от позиции эксперта.

«Вся система образования проходит на русском языке. В итоге мы принадлежим к единому коллективу, мы — члены большой общности людей благодаря русскому языку» (письменное интервью).

Русский язык как главный интегрирующий фактор

В ходе полевых исследований нам часто встречалась позиция, отдающая русскому языку главенствующее место в том, что действительно делает нас россиянами, такие точки зрения выделяют язык и на фоне истории и территории, и государства. Часто эксперты, придерживающиеся подобного мнения, в целом пессимистичны относительно масштаба и необходимости формирования общероссийской идентичности и воспринимают русский язык не в ценностном, а в коммуникационном аспекте — как обстоятельство, связывающее разнообразное общество на огромной территории.

«В России это едва ли не единственный интегральный фактор, относительно которого наблюдается консенсус в обществе. В том числе на его основе сейчас формируется эта самая “общероссийская” идентичность, которой сегодня всё ещё нет. Поэтому русский язык пока что не может быть каким-либо (значимым/незначимым) фактором в некоем социальном явлении, которого нет» (письменное интервью).

«Это единственное, что ощутимо объединяет все слои россиян» (письменное интервью).

Русский язык даже называют тем фактором, который позволяет стране не распасться, языком с общегосударственной задачей. Это взгляд через призму этничности, подразумевающий, что мы все разные и государство предпринимает усилия, в том числе в языковой и образовательной политике, предотвращающие распад общества и государства. Интересно, что такой взгляд через призму центробежных тенденций, как правило, затеняет или вовсе не рассматривает естественные, прагматические факторы и роль уже сложившегося сообщества в поддержании российской идентичности.

«Язык-посредник, язык-мост»

Эксперты в республиках подчёркивают, что во времена Советского Союза и ранее русский язык воспринимался как язык приобщения к цивилизации, к мировой культуре, был языком-посредником. Сейчас осознание и принятие такой исторической роли на массовом уровне эксперты оценивают как сомнительные, опять же потому, что очевидно, что русский язык уже стал общим функциональным языком и языком образования.

«Для определённой части людей, для интеллигенции, наверное, имеет ценностное значение русский язык. Потому что они понимают его значение, что с помощью русского языка мы познавали зарубежную литературу. Не на английском и не на башкирском. Не имеет смысла Гегеля на башкирский язык переводить, когда есть на русском. Именно через русский язык произошёл прорыв в мировой культуре для большинства представителей башкирской интеллигенции. Соответственно, он имеет ценностное значение. Да, как язык-посредник, мостик в мировую культуру» (историк, Уфа).

На этом пути, как подчёркивают некоторые эксперты, русский язык перестал быть языком русских, деэтнизировался — ещё и потому, что исторически русскость не была этнической. Однако рассуждают в таких категориях отдельные эксперты, ожидать, что подобные представления распространены, невозможно.

«Русский народ перестал быть владельцем русского, язык ни в чьей собственности. Он является теперь нашим общим достоянием. Инструментом, которым все пользуются с одинаковым успехом. Понимаете, регистры литературности, нелитературности перестали зависеть от этнической принадлежности, перестали зависеть от того, родной это твой язык или не родной. И языковые компетенции утратили этническое содержание. ... Дело в том, что русскость исторически не несла в себе этнического начала. Русскими были и белорусы, и украинцы, потом их опять стали делить на малороссов: Малороссия, Белоруссия, Великороссия. Русские — это очень сильный собирательный образ всегда был» (социолог, Казань).

«Язык межнационального общения»

Эта привычная формула воспроизводится в большинстве случаев, а в республиках фактически является первым и главным смыслом, придаваемым русскому языку, часто с подчёркиваемым противопоставлением родным (то есть этническим) языкам. Различие между условно универсальным дискурсом и этноцентристским заключается именно в том, что этноцентристы, этнические активисты подчёркивают, что это язык, на котором их «нация» (как правило, в этническом смысле) взаимодействует в большинстве случаев с другими в составе страны. Язык как связующее звено для мультиязычного когда-то общества — это то, что по факту стало (и единственное, что могло стать) естественной основой общероссийской идентичности и языком российского государства, это элемент, который нельзя удалить из уравнения, если мы говорим о современной России.

Часто и в случае самих экспертов, и в их оценках массового сознания своих региональных сообществ нерусские люди даже с русским языком как первым и функциональным языком воспринимают его именно как язык межнационального общения. Это происходит прежде всего потому, что сильно влияние длительного противопоставления русского и родных языков. То есть русский язык воспринимается как скрепляющий, но не как родной. Повторим, русский — это по факту язык российского общества, но не в представлениях людей, по меньшей мере нерусских (*«Думаю, что большинством воспринимается, наверное, де-факто. Хотя словесно, конечно, противников этого много, как и противников российской нации много»*). Есть представления, однако слабо распространённые, о том, что русский язык «свой, но не родной», — так представляется русский язык большинству населения, по мнению одного из экспертов. В этом дискурсе «родной язык» — очень идеологически и эмоционально наполненное словосочетание, для этноцентричного нерусского человека русский язык родным представляться не может. Однако он инструментально прагматически воспринимается, поскольку является функциональным языком российского общества в целом. Для людей, широко применяющих и тем более ориентированных на свои этнические языки, русский — это язык, на котором они общаются официально, в отличие от родного, «тёплого и семейного».

«Мы хотим или не хотим, мы все говорим на русском языке. Общаемся посредством русского языка, это воспринимают и башкиры, и башкирские националисты, и татары, и татарские националисты. Все мы дискутируем, и даже спорим, на русском языке, как правило. Это, конечно, безусловно, объединяет, русский язык» (политолог, Уфа).

«Вот самое удивительное, что, согласно первым данным и опросам, получается, что даже русскоязычные нерусские русский язык как сакральный не воспринимают. Они его воспринимают как элемент коммуникации, как язык межнационального общения, да. А русские, естественно. Для русских он имеет сакральное значение, культурное» (политолог, Уфа).

«Если взять, наверное, в широком смысле этого слова, я думаю, русский язык — он воспринимается как свой, но не как родной. Родной язык — он родной язык. Русский язык — он свой» (учитель, Уфа).

«У русского есть такая функция дистанцирования, кажется, и всегда была, субординации. У нас же бывает, особенно студенты, преподаватели, когда на родном языке обращаются, пытаются создать ситуацию неформальности, и тогда человек переводит на русский язык, чтобы показать, что у нас официальные отношения» (преподаватель вуза, Нальчик).

Русский язык в этноцентристских дискурсах

В этноцентристском дискурсе роль русского языка часто акцентируется на том, что это язык государства, то есть прежде всего язык силы, и у этой его роли либо отрицательная коннотация (вплоть до трактовки как «языка колонизаторов»), либо он воспринимается как обстоятельство, которое сложилось исторически и надо дальше с этим жить, например: «Просто русские доминируют, поэтому все говорят по-русски, т. е. это доминирующий язык». Фактор численного доминирования часто подчёркивается этническими активистами при описании роли русского языка.

«Все понимают практическую роль русского языка. Но в отношении к нему как к индикатору интеграции — много и прагматики, и эмоций. И татары, и башкиры не против русского, они в нём заинтересованы. Стихи на русском читают, вдохновенно пишут и говорят на нём. Он — коммуникатор, но отношение к нему включает и эмоции. И негативные эмоции от того, что родной их язык второстепеннее, переносят на оценку русского как интегратора. Возможно, это ситуативное явление» (преподаватель вуза, Уфа).

В среде этнических активистов часто присутствует противопоставление русскому языку своих этнических языков и своих возможностей существования как народа (расхожая фраза в этой среде — «нет языка — нет народа»), для них доминирование русского языка и прагматический его выбор частью общества — негативное обстоятельство [7, с. 80].

В ходе исследования нам встречались суждения этнических активистов о том, что позитивное эмоциональное восприятие русского языка в российской идентичности для них невозможно. Более выраженное позитивное его принятие было бы возможным в условиях, когда подчёркиваются глобальность и прагматическая значимость русского языка для этноориентированных россиян других национальностей, кроме русских. Интересно, что и в этой среде (не только строго научной) русский язык воспринимается отдельно от образа русских, русскоязычная и русская культура разделяются, а русский язык воспринимается исключительно инструментально. Русский язык как язык российскости, язык российской нации этноактивистами не может быть легко воспринят.

«Для меня русский язык — это средство чисто коммуникации, получения информации. И я не чувствую к нему... как сказать, это не мой родной язык. ... Русский язык в случае республик не может окончательно быть объединяющим фактором, пока живы другие языки. Даже если не будут живы, всё равно как бы будет чувствоваться потеря своих языков и эмоционально будет обвиняться в этом русский язык. Хотя я понимаю прекрасно, что русский язык — это глобальный язык, что здесь не только государственная политика, но действительно большая сила русского языка и русской культуры» (этнический активист, Казань).

«Если мы говорим о языке — к примеру, коренные народы, я считаю, что должны изучать родной язык. Если мы сдаём экзамены общероссийского уровня или на общероссийском уровне сдаём русский язык, то на региональном уровне у нас в Кабардино-Балкарии люди должны, те, которые относятся к балкарскому этносу, должны учить балкарский язык, а те, которые относятся к кабардинскому этносу, должны изучать черкесский язык. Я думаю, что это справедливо, иначе все народы, проживающие в России, смешаются, и образуется один единый российский народ. Это противоречит многим интересам остальных этносов, проживающих на территории Российской Федерации» (этнический активист, Нальчик).

Выводы

Известно, что ключевые концепты национализма Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона отводили языку одну из основных, если не основную роль в формировании этнических и гражданских наций, но и теперь, в изменившемся мире, общенациональные языки остаются и признаются обществом ключевыми для поддержания ощущения гражданских солидарностей. Исследования показывают, что на массовом уровне русский язык как то, что роднит с другими россиянами, — один из важнейших факторов, а русское большинство воспринимает русский язык как объединяющий с остальными россиянами чаще в силу значительной культурной составляющей российской идентичности для русских.

Чувство «мы», то есть, по сути, нацию, создают повседневные речевые привычки и дискурсы, но собственно представление о том самом языке, на котором происходит коммуникация в стране и на котором это естественное нациестроительство происходит, различается от дискурса к дискурсу. Если государственный дискурс подчёркивает и инструментальную, и символическую роль русского языка и формирует языковое пространство через систему образования, то экспертные гуманитарные дискурсы демонстрируют целый спектр представлений о русском языке в российской идентичности.

Экспертные дискурсы — это дискурсы и создающие представления о языке, и транслирующие их, они становятся основой и для дискурсов СМИ и образования, и для повседневных речевых привычек, и их же отражают. Анализируя экспертные дискурсы о языке в российской идентичности, мы видим несколько

измерений его смыслового наполнения: русский язык видят в узком и широком смыслах — и как систему коммуникации, и как ядро культуры (культурный код, литературоцентричность); и в инструментальном, и в ценностном аспектах, а этноцентристские дискурсы фокусируются на его роли для своей этнической солидарности и судьбы своего народа, рассматривая русский язык как язык принуждения и насилия и/или язык приобщения. Последняя позиция (русский язык как язык-посредник, язык-мост, язык приобщения к мировому культурному опыту на определённом этапе истории того или иного народа) характеризует часто этноориентированную, но не этноцентричную позицию, т. е. более открытую, в том числе и по отношению к общероссийской идентичности. Этноцентристам русский язык как общенациональный язык, вероятнее всего, крайне трудно воспринимать и в качестве идеологемы, и на уровне объективной, фактической ситуации.

Список литературы

1. Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1. С. 111–123. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876.
2. Биллиг М. Нации и языки // Логос. 2005. № 4 (49). С. 60–86.
3. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 352 с.
4. Дробижеева Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
5. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. Изд. 2-е, испр. М. : ЛЕНАНД, 2015. 272 с.
6. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Весь Мир, 2015. 432 с.
7. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты: [монография] / Л. М. Дробижеева, Е. М. Арутюнова, М. А. Евсеева [и др.]; отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 287 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Арутюнова Екатерина Михайловна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: 981504@mail.ru
AuthorID РИНЦ: 648683

Дата поступления в редакцию: 15.10.2021. Принята к печати: 02.12.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8863

Analysis of the Ideas about the Russian language in the All-Russian Identity: Expert Discourse

The article was made with the financial support of the RFBR. Project No. 20-011-00241.

Ekaterina M. Arutyunova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Arutyunova E. M. (2022). Analysis of the ideals about the Russian language in the All-Russian Identity: expert discourse. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 1. P. 95–109. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8863

Abstract. The article analyzes the meanings given by experts to the Russian language in the all-Russian identity based on the materials of in-depth and expert interviews and focus groups. The experts were humanities scientists, university and school teachers, journalists, public and ethnic activists from Moscow, Kazan, Ufa, Nalchik and some other Russian cities. The analysis of the discourses of these translators of the meanings of Russian identity is important for creating a picture of the meanings of the national language of Russians disseminated and supported by them, since they participate in the formation of mass consciousness and can set the directions of perception of Russian identity in the circles covered by their influence.

The key sets of ideas about the Russian language in the Russian identity are associated with the following interpretations of it. Russian language is considered by universalist discourses as the cultural code of Russians, often associating it with the literary-centricity of all-Russian and Russian ethnic culture. Such discourses note the importance of its functionality and influence, and also regard it as the language of Russian everyday life and the life of the state, in which school education plays an essential role, thus “cementing” society.

In the discourses of experts in the republics, other facets of the perception of the Russian language are also important. First of all, it is considered as a “language of interethnic (interethnic) communication”, which is the result of the influence of Soviet national policy, established terminology, in particular, in the understanding of the nation, most often in the ethnic sense and the opposition of Russian and native languages. In the historical context, it can be considered as an intermediary language, an instrument of familiarization with world culture. Ethnocentric discourses often emphasize the role of the Russian language as the language of the state and/or the language of the dominant people, including actively contrasting it with native languages and emphasizing the damage to them. The interpretation of the Russian language as the national language of Russians, its positive perception as an all-Russian integrator in such discourses are complicated.

Keywords: Russian language; all-Russian identity; analysis of discourses; Russian republics

REFERENCES

1. Arutyunova E. M. (2021). Russkii yazyk v rossiiskoj identichnosti: teoreticheskiye podkhody I aktual'nyj kontekst. [Russian language in Russian Identity: Theoretical approaches and current context]. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9, № 1. P. 111–123. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876. (In Russ.).
2. Billig M. (2005). Natsii i yazyki. [Nations and languages]. *Logos*. № 4 (49). P. 60–86. (In Russ.).

3. Van Dejk T. A. (2015). *Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. [Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication]. Per. s angl. Izd. 2-e. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM» publ. 352 p. (In Russ.).
4. Drobizheva L. M. (2020). Rossijskaya identichnost': poiski opredeleniya i dinamika rasprostraneniya. [Russian identity: the search for definition and the dynamics of distribution]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 8. P. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9. (In Russ.).
5. Issers O. S. (2015). *Diskursivnye praktiki nashego vremeni*. [Discursive practices of our time]. Izd. 2-e, ispr. M.: LENAND publ. 272 p. (In Russ.).
6. *Rossijskoe obschestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya*. (2015). [Russian society and the challenges of the time. Book Two]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. M.: Ves' Mir publ. 432 p. (In Russ.).
7. *Soderzhatel'nye osnovy rossijskoj identichnosti. Regional'nyj i etnokul'turnyj konteksty*. (2021). [The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethno-cultural context] Ed. by E. M. Arutyunova, S. V. Ryzhova; FNISTS RAN. M.: FNISTS RAN publ. 287 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arutyunova Ekaterina Mikhailovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: 981504@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9002-1491

ResearcherId: J-1130-2018

The article was submitted on October 15, 2021. Accepted on December 02, 2021.